

тъ инструменты, которые были нужны, и потому рубилъ, рубилъ, все лѣто прорубилъ, — барельефъ такъ и остался недорубленнымъ, я возвратился въ Петербургъ ни съ чѣмъ. Начались классы, и я за лѣтку скоро получилъ малую серебряную медаль, но съ условіемъ, чтобы выдержать экзаменъ изъ научныхъ предметовъ. Тутъ-то въ первый разъ я на практикѣ испыталъ неудобства моего положенія; сталъ хлопотать, просить, обивать пороги, но все напрасно. Петръ кивалъ на Ивана, Иванъ на Сидора, и т. д. Я горячился, волновался, добивался того, чтобы сдѣлали списхожденіе для меня, какъ дѣлали для другихъ моихъ товарищей, получившихъ право конкурировать. Наконецъ сталъ даже добиваться званія учителя, желая совсѣмъ оставить академію; но просьба моя не была уважена, чему, впрочемъ, я потомъ былъ радъ. Чтѣ оставалось дѣлать? Лѣпить, молчать и ожидать лучшей будущности, тѣмъ болѣе, что внѣ академіи ничего хорошаго не ждало меня. Въ памяти моей ярко оставался мой первый прѣздъ въ Петербургъ, когда я искалъ работы, не зная, гдѣ найти ее, и наконецъ нашелъ на Невскомъ, у токаря. Я рѣзалъ для него цифры на шарикахъ. Три дня и почти три ночи прорѣзалъ, надавилъ себѣ на ладоняхъ водяные пузыри и получилъ за это ровно пять рублей. Съ тѣхъ поръ заказной работы больше не имѣлъ. Впрочемъ это не совсѣмъ вѣрно: разъ артель художниковъ доставила мнѣ работы еще на двадцать-пять рублей, — вотъ и все. Чтобы поддерживать свое существованіе, было меньше, чѣмъ недостаточно.

Тутъ память немного измѣняетъ мнѣ. Я долженъ предупредить: въ этихъ запискахъ нѣтъ законченныхъ типовъ и эпизодовъ. Я описываю не чужую жизнь, а свою; пишу то, чтѣ уцѣлѣло въ моей памяти; въ сожалѣнію, она похожа на желѣзный листъ, покрытый пятнами ржавчины. Передаю тебѣ все, чтѣ помню, безъ реставраціи.

Помнится мнѣ, что по цѣлымъ днямъ я бродилъ по музеямъ; это питало мое чувство и развивало не руки, а меня самого. Я былъ уже въ состояніи различать не только черное отъ бѣлаго, но и сѣрое отъ чернаго. Сталъ понимать, что въ искусствѣ есть двоякая красота: физическая и душевная; насколько первая принадлежитъ декоративному искусству, настолько вторая свойственна духовному. Понялъ, что между душевной красотой и добромъ есть близкое сродство. Сталъ смотрѣть на античное искусство болѣе сознательно, любовался его величавымъ спокойствіемъ, простотою, пластическою шириною — однимъ словомъ, всѣмъ его внѣшнимъ совершенствомъ; но я любовался всѣмъ этимъ только